

Александр Волог

ЛИЦОМ К ВОДЕ

стихи и рассказы

Александр Волог

Лицом к воде

«Издательские решения»

Волог А.

Лицом к воде / А. Волог — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965289-8

Среди рыбаков немало людей с поэтическим восприятием мира. А среди поэтов немало рыбаков. Эта книга для тех и других. Первая часть — проза, составлена из трёх разделов: «Для всех», «Для интересующихся» и «Для рыболовов». Вторая часть — стихи. Лирика. Можно читать независимо от первой. Место действия — где-то на природе, у воды. Только там можно отрешиться от обыденной суеты и, не спеша, поразмыслить о жизни и о своём месте в мироздании.

ISBN 978-5-44-965289-8

© Волог А.
© Издательские решения

Содержание

Александр Волог		6
ЛИЦОМ К ВОДЕ.	Стихи. Рассказы.	7
Предисловие		7
ЗАПИСКИ РЫБАКА		8
Для всех		8
Рыболов в Интернете		9
Рыбаки и русалки		11
Рыба-колесо		15
Два счастливых человека		16
Шестеро на одного		18
Конец ознакомительного фрагмента.		19

Лицом к воде

Александр Волог

© Александр Волог, 2019

ISBN 978-5-4496-5289-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Волог

ЛИЦОМ К ВОДЕ.

Стихи. Рассказы.

Предисловие

Книга эта необычна. Я думаю, что среди рыбаков немало людей с поэтическим восприятием мира. А среди поэтов немало рыбаков. Эта книга для тех и других.

Первая часть – проза. Она составлена из трёх разделов: «Для всех», «Для интересующихся» и «Для рыболовов». Каждый читатель, по своему усмотрению, может выбрать для первого чтения один из них. А потом, глядишь, и в другие заглянет. Или сразу перейдёт ко второй.

Вторая часть – стихи. Лирика. Можно читать независимо от первой. А можно и вообще не читать.

Обе части объединены местом действия – где-то на природе, у воды, у костра. Только там и можно отрешиться от повседневной суеты, прочувствовать мироздание и, не спеша, поразмышлять о жизни и о своём месте в этом мироздании.

ЗАПИСКИ РЫБАКА

Для всех

Рыболов в Интернете

Объявление в социальной сети:

«15.07. Ищу девушку до 40 лет, умеющую разжигать костёр, чистить рыбу, копать червей, имеющую машину, лодку и мотор, для совместной поездки на рыбалку с 1.08 на 1 месяц. Фото лодки обязательно. Fyodor@mail.ru».

Отклики

«Ещё и червей тебе копать! Зина».

«А что у тебя самого-то есть, и что ты сам умеешь? Лина».

«Если ты такой неимущий, нечего подкатываться к порядочным женщинам, тем более, в Интернете! Дина».

«Лодки нет, но я согласна. Секс не предлагать. Нина».

«С удовольствием оторвусь месячишко, где-нибудь в тёплых краях. Лодки нет, но я вкусно готовлю. Натуральная блондинка. Ловить рыбу можно на блесну, тогда, говорят, черви не нужны. Жду ответа. Галина».

«Лодку и мотор купим на месте. Питаться будем в ресторане. Для червей наймём боя. Сообщи, куда оформлять визу. Кристина».

«Всё есть, и я готова. Светлана».

Переписка по E-mail

«А фото? Фёдор».

«Фото лодки высылаю прикрепленным файлом. Нужно ли моё? Мне 36. Светлана».

«Твоё не нужно. Верю на слово. Фото лодки неудачное. Какая марка? Фёдор».

«Шельф-310. Светлана».

«А мотор? Фёдор».

«Ямаха, 5 лошадей. Светлана».

«А права есть? Фёдор».

«Есть. Светлана».

«А какая машина? Фёдор».

«Нива-Шеви. Светлана».

«А права есть? Фёдор».

«Есть. Светлана».

«Откуда у тебя такое счастье? Фёдор».

«По разделу имущества. С мужем развелась. Он никак не мог вытерпеть, что я его всё время облавливаю. Как поймала судака на 9 кг, он сказал, что это переполнило его чашу. Ему досталась дача и велосипед, а мне – машина и лодка. Светлана».

«Этак, ты и меня будешь облавливать? Фёдор».

«Нет, с рыбалкой завязала. Не женское это удовольствие. Светлана».

«Правильно понимаешь. Фёдор».

«А ты, что ж, безо всего? На водку обменял? Светлана».

«Да нет. Пришлось всё продать, чтобы заплатить судебные издержки по бракоразводу и компенсацию за моральный ущерб. Супруга моя бывшая заявила, что ей это всё надоело, по самое не хочу, что рыбу она уже видеть не может, а не то, что чистить. Фёдор».

«А я было подумала, что ты с вредными привычками. Светлана».

«Да нет, всё путём. Фёдор».

«Ну, так как? Светлана».

«В общем, ты мне подходишь и даже нравишься. Бензин и дорожные расходы оплачиваю. Едем? Фёдор».

«Пришли точный адрес. Первого числа, в шесть утра спускайся к подъезду. Не забудь удочки. Светлана».

Объявление в социальной сети:

31.07. «По поводу объявления от Fyodor от 15.07 просят больше не беспокоить».

Рыбаки и русалки

О чём говорят рыбаки на работе (в перекурах, разумеется), или, собираясь в гостях у кого-то из своих, или (представим невероятное) сидя в ресторане с женщинами? Конечно, о рыбалке! О чём же говорят они на рыбалке? Да, о... об них, о женщинах.

В тот раз мы собрались после вечернего клёва у меня на стане, вчетвером. А было это на одном из островов Нижней Волги, на каком не скажу, а то понаедут всякие. Самый молодой, начинающий рыбак, у нас был Максим. Его разгорячили мои рассказы, он напросился ко мне в компаньоны, однако, желая утвердиться в своей способности к выживанию, встал отдельно, в километре от меня. Но у него всё время что-то кончалось, и он, чуть не каждый день, приходил ко мне, то за сахаром, то за солью, то за свинцом. В этот раз он пришёл за малёшником, так как его собственный унесло волнами. Пётр Петрович и Дмитрий Павлович, один – помоложе, другой – чуть постарше, оба – потомственные волгари-сталинградцы, стояли почти напротив меня на жилом берегу, куда из села подходила дорога, ограниченно проезжая при благоприятных погодных условиях. У них на двоих был один «Жигуль», одна «Казанка», две жены и ещё чья-то кума. В день поездки в магазин они после рыбалки подплывали ко мне по официальному поводу передачи заказанных продуктов. Ну, а на деле просто чтобы слегка расслабиться, потолковать в своём, рыбацком кругу. Да и пил я меньше, чем их жёны вкупе с кумой, и свой пай оплачивал, экономия получалась.

Для начала пожелали мы друг другу здоровья, заели солёной лещовой икрой, расположились поудобнее, курящие задымили. Максим некурящий был, он и завёл разговор.

– Хорошо тут у вас, мужики! Вот только женщин нет...

– У кого нет, а у кого и есть, – со смешанными чувствами уточнил Дмитрий Павлович.

– Ну, у вас там цивилизация, – вздохнул Максим, – все блага жизни. А тут на острове, одни дикие лошади.

– Ещё, говорят, здесь корова одичавшая бродит, никак поймать не могут, – сообщил Пётр Петрович.

– Ну, и русалки, само собой, – добавил Дмитрий Павлович.

– Какие русалки в наше время!? – задал риторический вопрос Максим.

– А ты волосы русалки не видал? – принял пас Пётр Петрович.

– Старо, об этом в книжках пишут, водоросли такие. Волосы есть, а русалок нет.

– Не скажу категорически, – вступил я, – это как кому повезёт увидеть.

– А ты сам-то видел? – с явным недоверием спросил Максим.

– Да вот, головой, конечно, не поручусь, а был случай...

Тут я сделал паузу, пока Дмитрий Павлович пополнял кружки. Мы пожелали друг другу рыбацкого везенья, доели икру, в этот раз с чёрным хлебом, я поправил костёр.

– Это ты про какой случай? – спросил Пётр Петрович.

– Да я вам раньше не рассказывал. Я на Солнечном острове стоял, давно ещё. Народу на реке тогда не в пример меньше было. Приезжих вовсе не было, тогда ещё и моста через Ахтубу не было. А из местных только двое браконьеров время от времени мимо меня проплывали ночью на чёрном челноке. А на Солнечном кроме меня никто не стоял...

Под берегом ударил судак. Мы помолчали, прислушиваясь.

– Так и что? – встрепенулся Максим.

– Вот утром сижу я на берегу, жду девятичасового леща. Байдарка идёт – метрах в десяти от берега. Там – девушка, без головного убора, волосы такие светлые, роскошные. Я её спрашиваю: «В Каспийское море плывёте?». Она улыбнулась, волосами этак встряхнула, отвечает: «Нет, поближе». Я её предупреждаю: «Тут за мысом очень сильная струя, водовороты!». Смеётся, говорит: «Я не боюсь, я русалка». Кричу, пока не уплыла далеко: «Где вы живёте-то?».

Она веслом притабанила, вполоборота глянула, отвечает: «Третья суводь по правому берегу, глубина пять метров!». И скрылась за каршами.

– А чего к себе не пригласил? – спросил Пётр Петрович.

– Так не один я был... Начались бы тут разборки, сцены ревности...

– А в суводь-то ходил? – поинтересовался Дмитрий Павлович.

– Ходил. На другой же день. Никого не видел, может, дома не было...

– А нырял? – допытывался Дмитрий Павлович тоном доброжелательного следователя.

– Нет. – честно признался я. – На пять метров не могу. На три ещё ладно бы. Максимум – на четыре.

– Постой! – говорит Максим. – А с чего ты взял, что русалка?

– Так сама же сказала. А потом – сверху у неё всё в порядке... очень даже в порядке... и, что характерно, ни купальника, ни лифчика.

Все замолкли, замороженные видением. Максим пересохшим голосом спрашивает:

– А снизу?

– Так в байдарке же, – объясняю я, – не видно, ноги там, или хвост. Почему категорически и не утверждаю.

Дмитрий Павлович опять пополнил кружки. На этот раз закусили яблоками, очень неплохо, кто понимает.

– Ну, я тебя оспаривать не буду, – говорит мне Пётр Петрович. – Со мной, правда, ничего такого не было, но вот Баканов рассказывал. Баканова помните?

Мы с Павловичем подтвердили, и Пётр Петрович продолжал.

– Лет семнадцать тому. На Мудунном они стояли. На Волжской стороне на пятнадцать километров там всего три стана и было: мужики с «Красного Октября», Баканов со своими, и ещё на отшибе мужик-одиночка, молодой ещё. Всё с удочками сидел, и утром, и вечером, даже водкой не интересовался. Они его Анахоретом прозвали. Вот раз Баканов пошёл на озеро за червями, там у него червивый питомник был в низинке. Идёт верхней тропой, под ней по берегу озера – густой ивняк. Глядит вверх ивняка – удилище торчит. Тогда ещё бамбуковые удилища были, трёхколенки. Он кусты пораздвинул – а там, на берегу, Анахорет сидит. А с ним рядом – девушка. Баканов и думает – откуда бы ей взяться? Всё население острова – наперечёт. А через Волгу никто не переправлялся, он бы видел. Да и лодка у Анахорета была – надувнушка польская, «Тайфун», без скамейки даже, там и одному трудно поместиться, а чтобы на ней через Волгу плыть, да ещё вдвоём, так проще сразу утопиться. Баканов от удивления и спрашивает: «Ты где её нашёл?». А тот отвечает: «А живёт она здесь». «Что, прямо в озере?» – спрашивает Баканов. «Ну да, – говорит Анахорет – русалка она». А русалка эта так приобернулась, смеётся, волосы длинные, рыжие, все плечи закрывают, чуть не по локти. Баканов смутился, говорит: «Извиняйте, что помешал», и пошёл себе. Потом уже, к себе вернувшись, стал обращать внимание – у Анахорета на стане никого не видно, никакого движения весь день. Даже вечернего костра не видно было. На другой день биноклем вооружился – там километра два было между станами, время от времени поглядывает, никаких признаков жизни не видит. Вечером жене рассказал, она заахала, говорит: «Утопила его русалка. Альбо защекотала». Наутро Баканов пошёл к Анахорету на стан, выяснять. А там пусто. Зола холодная. Только у палатки охапка белых кувшинок лежит. Прошёл подальше. Видит – сидит Анахорет у своей Сазаньей заводи, на песочке. Рядом – лодка его, полузатопленная, удочки лежат, не заброшенные. Баканов окликнул его сверху, хотел расспросить. А тот вначале, будто даже и не слышит ничего. Потом обернулся, улыбается и смотрит на Баканова с полным неузнаванием. И молчит. Ну, Баканов и не стал приставать, пошёл к себе, ладно, жив человек. А Баканов врать бы не стал. Да и не сочинить ему такого.

– А он русалку-то хорошо разглядел? – спросил Максим.

– Ну, не полностью, конечно. Через кусты только их головы было видно, да плечи. Ну, волосы ему запомнились. Да и я думаю – откуда бы там девушке-то взяться?

– Да, на Мудунном этого не просто найти. – согласился Павлыч и разлил остатки.

На этот раз закусили шелковицей – этакий контраст, сладкое на горькое. Курильщики опять задымили. На реке жужжала невидимая в темноте моторка.

– А я вот, в восемьдесят втором стоял на Скрынникове острове. – вдруг разговорился Дмитрий Павлович. – Молодой ещё был, неженатый. Кто-нибудь там бывал?

Бывал там, как выяснилось, только я.

– Вот Александр не даст соврать – глухомань та ещё. Даже рыбаки там не стоят, потому что до ближайшего магазина двадцать километров водой, да ещё семь пешком. Замучаешься ездить.

– Да, – подтвердил я, – с водкой и с бензином там проблемы.

– Тем более в восемьдесят втором было. Ну, а женщин-девушек там, наверное, с сорок третьего года не бывало, когда там тылы шестьдесят четвёртой армии стояли. И сейчас, хоть весь остров обыщите, ни одной не найдёте. Но какие там сазаны брали! Сейчас таких уже не осталось!

– Так ты о сазанах будешь или об русалках? – уточняет Петрович.

– Всё будет, не спеши. Вот, сижу я за мыском, в Зелёной заводи. А заводь ту я назвал так потому, что поперёк неё громадный осокорь в воду свалился по весне, но корни у него остались, так он и рос-зеленел, лёжа в воде. Я повыше него устроился, потому, что сазан после подсечки первым делом против течения бросается, вот я и подстраховался так от зацепов.

– А бывает, что он и в коряги уходит. – поделился я своим опытом. – Хотя бы и вниз по струе.

– Верно говоришь, – согласился Павлыч. – Один из трёх так и делал. Так что в той заводи потерял я и сазанов, и снастей! И вот как-то сижу я там, время уже к десяти подходит. Тогда этого летнего не было, а было поясное. А за всё утро у меня только один сазан спозаранку взял, да и тот с первого рывка леску оборвал, тогда лески были несравнимы с нынешними. А потом – бесклёвье настало. И насадку менял, и поводок, и глубину – всё глухо. Последняя надежда была на поздний клёв, он там с десяти до одиннадцати бывал. Забросил я насадку, уду на рогульку положил, притулился, будто меня и нет. И вот слышу какой-то плеск непонятный: не волны на песок плещут, не струя в каршах урчит, не рыба играет. А потом что-то вроде смеха даже. На поплавок глянул – стоит спокойно. Поглядел в сторону, в другую. И вот, за этим осокорем, за лежаком, сквозь ветки – вижу. Эта самая русалка. Купается, значит. Из воды наполовину высунулась, и вот, как Александр рассказывал, ни купальника, ни лифчика. А волосы – не скажу, чтобы вполне зеленые, а всё же с зеленцой.

– Это такое от яркого солнца бывает, я читал. – встрял Максим.

– Не спорю, не знаю, а что видел, то рассказываю. И вот она заметила, что я на неё смотрю, повернулась как бы в профиль, в воду, как в зеркало, смотрится, и волосы свои ладонями гладит, да пальцами расчёсывает. А плечи и всё прочее у неё такое белое, будто и никогда солнца не видывало. И никаких следов на коже от купальника или там бретелек. А потом глянула на меня краем глаза, и рукой, вроде как манит... И тут у меня взял сазан. Кило этак на восемь, если не больше.

– А русалка-то что? – на выдохе спросил Максим.

– Какая там русалка, если берёт сазан на восемь кило!

Дмитрий Павлович на миг зажмурил глаза, потом открыл их. Гипнотизирующе поглядел на кружку, но кружка осталась пустой.

– И ушёл сазан. Зазевался я. А он как рванёт – поводок из узла вырвал. Унёс с крючком. Хороший был крючок, немецкий, золочёный.

– Хреновый узел был! – укорил его Петрович.

– Так я тогда молодой был, неопытный. Да и леска была уж больно гладкая, жёсткая...

– А русалка-то что? – не унимался Максим.

– Ну, когда я все подходящие слова сказал и о ней вспомнил, её уже не было, – не без сожаления сказал Павлыч.

Мне показалось, что об ушедшем сазане он сожалел больше.

С того берега донеслись удары в било. Это жёны и кума звали Павлыча и Петровича на ужин. Мы распрощались, они уплыли, а Максим пошёл к себе, подсвечивая дорогу одолженным у меня фонариком.

Утром, после утреннего клёва, он принёс мне фонарик, но взял малёшник, про который вчера забыл. Вид у него был какой-то смурной. Я спросил:

– Что, не выпался?

– Да ну вас! – огрызнулся он. – И с вашими рассказами. Всю ночь русалка снилась. При том внизу у неё всё, как надо у женщины, было, а верхняя половина – как от двухпудовой щуки!

Рыба-колесо

В то время я ещё был новичком. Приехал на Волгу, первую ночь переночевал на тёплом песочке у реки, на следующий день поставил палатку, устроился, пригляделся, как ловят соседи (они ловили густеру и подлещика). Наутро, подражая им, забросил донку с песчаной косы. На донке у меня было 5 крючков, номера 4 и 5 (по отечественной нумерации). Первые три я насадил червями, а два последних – мальками. Колокольчика у меня не было, я поставил сторожок из гибкого прутика.

Я позавтракал, навёл порядок в вещах, потом вспомнил про свою снасть и пошёл проверить её. Настроен я был скептически, потому что не очень верил, что рыба может пойматься сама, без участия рыболова. Но сторожок был повален, это меня насторожило.

Начинаю вытаскивать снасть. Грузило волочитя по песку, трудно определить, есть ли добыча. Первый крючок – пусто, червя объели. Второй – тоже пусто, червя нет. На третьем крючке – окупёк величиной в ладошку. Отцепляю его, кидаю в пакет. Вдруг леска зашевелилась. Ташу дальше и чувствую – рыба. Но четвёртый крючок опять пустой. Продолжаю выбирать леску, и уже ощущаю – рыба немаленькая. Водит леску вправо-влево, сопротивляется, плеснула у поверхности воды...

Вот она, на песке! Сомёнок, длиной в руку, но не очень тяжёлый, кило на три. Про таких говорят – голова да хвост. Оттаскиваю его подальше от кромки. Он ошалело лежит на песке, вынимаю из пасти крючок...

И вдруг мой сомёнок встрепенулся. Неуловимым движением он свернулся в колесо и, как и положено колесу, покатился по песчаному уклону к воде, которая была всего в трёх метрах. Под рукой у меня не было никакого приспособления, чтобы задержать его. Ох, укатится моя рыба-колесо! Единственное средство было, и я к нему прибежал. Бросился на сомёнка, как футбольный вратарь бросается на мяч, катящийся «в шестёрку», и прижал его к земле всем телом. Ну, весил я, конечно, побольше сомёнка. Он побарахтался подо мной с полминуты и затих.

Я встал, взял рыбу за жабры (остальное гладкое и скользкое тело было невозможно ухватить) и осторожно отнёс в садок. Всплыли в памяти читанные в детстве стихи:

«Но свернулся колесом

И хвостом ударил сом...».

Впрочем, в стихах сом ушёл от рыбаков, а я своего сомёнка удержал благодаря быстроте реакции.

Сомёнок на память оставил мне след на куртке от рыбьей слизи. След этот никакой стиркой удалить было невозможно. Моя новая брезентовая штормовка оказалась безнадежно испорченной. Впрочем, я носил её ещё много лет. Но в свет я в ней не выходил, а приятели-рыбаки относились к этому пятну с пониманием. Тем, кто обращал на него внимание, я рассказывал эту историю.

Два счастливых человека

В этом рассказе не будет ни захватывающих происшествий, ни диковинных случаев. Рыбалки, в сущности, тоже не будет. Хотя с неё придётся начать.

В том году мы были на Волге с сыном, без мамы. Жили, как Бог на душу положит, питались, чем Бог пошлёт, и были всем довольны. Ну, а если что-нибудь пригорит – дело житейское.

Однажды, во второй половине дня мы решили пойти на Озеро Непуганых Краснопёрок. Название озеру дала мама, которая тогда ещё не думала, что будет мамой. Очень её впечатлили краснопёрки, которые выпрыгивали из воды, хватая опускающийся крючок.

Путь был неблизкий – километров шесть, сначала лесными тропами, а потом – по берегу длинного затона. Там и находилось это озерцо, отделённое от затона песчаной перемычкой. Такие расстояния были моему сыну не в тягость – он ездил со мной на Волгу с трёх лет, а в походы мы его брали, как только он стал уверенно ходить. Когда ему надоедала однообразная ходьба, он просил рассказать ему сказку, и я, импровизируя на ходу, рассказывал ему по полчаса, а то и по часу. Раньше он иногда просил взять его за ручку, говоря: «Папа, когда ты меня за руку держишь, это как будто ты меня несёшь». Но в шесть лет он уже редко просил «ручку» и предпочитал сказки, особенно, «про енота Кукамота и всех добрых зверят».

Рыбы мы наловили изрядно, а вечерний жор у неё только начинался, но, сообразив время (а было уже значительно больше семи), мы смотали удочки и тронулись в обратный путь. В этих широтах темнеет рано и резко, а путь предстоял долгий.

Сначала мы шли берегом затона, там, на полпути, стоял заброшенный стан, и до него шла торная тропа. Тут мы поняли, что соревнование с солнцем мы проигрываем. Оно закатилось, и в наступивших сумерках тропа, становившаяся всё менее заметной, терялась в высоченных травах. Травы были мне по грудь, а сынку – выше макушки. Такие места мы называли «дремучими травами».

Быстро стемнело, дорогу было невозможно различить. По счастью у меня был с собой фонарик (были такие китайские алюминиевые фонарики, на три батарейки).

Но я нёс рюкзак и удочки, светить фонариком мне было несподручно, да и зрение у меня в темноте не ахти. Тогда я поручил это сыну, который уныло брёл за мной. Говорю ему: «Иди вперёд, свети фонариком и выискивай тропу. Ты пониже, тебе должно быть виднее».

Тут сын оживился, перешёл в авангард, пощёлкал фонариком, чтобы убедиться, что он работает, и с большой ответственностью стал выполнять порученное дело. Луч фонаря выхватывал из темноты стебли и листья трав, которые при таком освещении приобретали необычный и фантастический вид. Между их корнями тянулся намёк на тропу, по которой последний раз ходили месяц назад. Но молодые зоркие глаза находили этот намёк, сын давал мне полезные указания:

– Здесь чуть правее... А здесь – ямка... Тут она почти теряется... Нашёл продолжение!

Между тем закат догорел, только в вышине чуть светилось маленькое красноватое облачко. Вот и оно погасло. Зажглись звёзды – сначала, над южным горизонтом, Сириус и Вега, почти в зените. Потом разом высыпали все – крупные, яркие. Тут сын обернулся ко мне с сияющим лицом и говорит:

– Папа! Я, наверно, самый счастливый мальчик на свете! Какой ещё мальчик моего возраста ходит ночью в дремучих травах и с фонариком отыскивает тропу!?

– Да, – сказал я – Таких, наверно, больше нет.

Некоторое время мы шли молча. Так мы дошли до места, где надо было отворачивать от затона и срезать путь через лес. Дремучие травы кончились. Я помнил, что по дороге сюда где-то мы перепрыгивали ручей.

– Вот он, вроде, – подтвердил сын – только воды в нём, кажется, нет.

Русло ручья, освещённое ярким лучом фонарика, было видно отчётливо, до тончайших травинок и мелких веточек на дне, только воды не было видно – настолько она была прозрачная и неподвижная. Пришлось нагнуться и пощупать её ладонью, чтобы убедиться, что она есть. Я зашёл в ручей до середины сапог и одним движением перенёс сыночка на другую сторону.

...Ну, а дальше – дорога знакомая. Минуя бурелом, мимоходом освещённый фонариком, вышли к маленькому озерцу (где рыбы было мало, и мы пренебрегали им), перешли сухой ерик, прошли поляну, ещё один сухой ерик, луговину с высоченными редкостойными тополями. С уединённого торчка взлетел филин и, бесшумно размахивая широкими крыльями, канул в ночь. Тут уже шла тропа, набитая нами.

Ну, вот она, Волга! После леса – сильное чувство простора, запах большой текучей воды, говорок речных струй. Чуть в стороне – наша палатка, кострище, столик, скамейка. Вот мы и дома.

– Дошли! – дружно сказали мы.

Время – десять часов. Сын разжигает костёр, я солю рыбу, мы варим манную кашу, потом едим её, поливая ежевичным вареньем. Пьём чай.

После ужина сынок мой совсем осовел, залез в палатку, но выглядывает оттуда:

– Пап, ты скоро?

Я пригасил костёр, прибрал хлеб и варенье, умылся. Когда я влез в палатку, сынок уже спал, расположившись по диагонали, лицом ко входу – всё высматривал меня, пока не сморил сон. Я устроил его поудобнее, устроился сам, расправляя спину и ноги.

Подумал: если ты смог однажды сделать своего сыночка самым счастливым мальчиком на свете, то жизнь прожита не зря.

Шестеро на одного

Палатки наши стояли под крутояром, на песочке. Волга образовывала здесь небольшой залив и суводь. В пяти шагах от берега начинались большие глубины. Рыба ловилась всякая, но, конечно не то, что до реформ.

Однажды, в конце дня, мы сидели за столом, ужинали, обсуждали планы на вечер, развлекали Васёнку, кидали кусочки Кискису. Кискис – большой, совершенно чёрный кот, пришёл к нам из острова и прижился. У него была благородная внешность и очень приятные манеры.

В конце ужина появился сосед – ну, как сосед, – по здешним понятиям, если стоит меньше чем в двух километрах, то сосед. Впрочем, особо мы с ним не общались, здоровались, когда проплывал мимо. Он, обычно, сплавлялся по течению на вёсельной надувнушке «Волна», занимаясь по дороге отвесным блеснением. В этот раз его занесло течением в нашу суводь, и он не упустил случай проверить её. Минут пять он кружился в суводи, потом вдруг издал неопределённое, но громкое междометие и стал вываживать какую-то серьёзную рыбу. Он, кажется, уже почти поднял её, но тут рыба сильно плеснула, лодка качнулась, сосед издал ещё одно междометие, более громкое и продолжительное.

– Кто был? – спросил я.

– Сулак, – ответил он, – Кило на пять.

И, не теряя надежды, начал снова блеснить.

Тут, снизу по реке, на малом газу поднялась «Аква», мотор – три с половиной лошади, на ней молодая пара, но женщина без снастей, только для компании. Поравнявшись с соседом, мужик крикнул:

– Кого ловишь?

– Судака, – хмуро ответил сосед.

– И берёт?

– Берёт, – ещё более хмуро сообщил сосед.

– А крупный? – допытывался тот.

– Крупный.

Тут парень с «Аквы» оживился, поставил мотор на нейтраль, распустил спиннинг и тоже стал блеснить. Его подруга старательно, но шумно работая вёслами, удерживала лодку в суводи.

Наши женщины всем видом выражали недовольство, они собирались купаться после ужина.

События, однако, разворачивались стремительно. Из-за поворота, неся на носу бурун, выскочил катер с пятнадцатисильной «Ямахой» и тремя мужиками на борту, ошестинившимися спиннингами и подсакками. Крутые мужики сбросили газ, приблизились, крикнули:

– Кого Бог посылает?

Сосед промолчал, а молодой парень крикнул в ответ:

– Судака!

– Крупного! – крикнула его подруга, принимая участие в разговоре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.